

Литературный сборникъ

памяти

Г. В. ПЛЕХАНОВА—

РЕВОЛЮЦИОНЕРА

«Дом Плеханова»

№ 90-1418/3сх 16 2268

Рѣчъ А. Пуначарскаго.

Товарищи, я чрезвычайно ярко помню въ эти скорбные дни, посвященные памяти Плеханова, первую мою съ нимъ естрѣту. Это было очень давно, когда я былъ совсѣмъ мѣдведемъ студентомъ въ Цюрихѣ. Польская колонія въ Цюрихѣ устраивала большую дискуссію между польскими патріотическими соціалистами изъ такъ называемыхъ польскихъ соціалистическихъ партій и между соціаль-демократами, стоявшими въ то время на непреклонной интернаціоналистской точкѣ зренія.

Я помню какъ разъ, что на этомъ собраніи выступилъ, между прочимъ, съ блестящей рѣчью Мархлевскій-Карескій, который до сихъ поръ сохранилъ вѣрность интернаціоналу и который томился за то въ казематѣ Берлина, но теперь отпущенъ по требованію нашего уполномоченного Іоffe и находится въ настоящіе дни въ нашей средѣ. Сегодня мы будемъ имѣть удовольствіе слушать его здѣсь. (Мархлевскій поднимается съ кресла при громѣ аплодисментовъ).

Послѣ цѣлаго ряда ораторовъ, выступавшихъ по этому вопросу, тогда уже сѣдей, какъ лунь, Грейлихъ, одинъ изъ вождей нѣмецко-швейцарскихъ соціалистовъ, съ особенной торжественностью произнесъ: „Сейчасъ будетъ говорить Плехановъ,—прошу васъ обѣ особенному вниманію“.

И совсѣмъ тогда еще молодой, безъ единаго сѣдого волоса, эмигрантъ Плехановъ произнесъ такую тонкую, оструюму, хотя и коротеньку рѣчъ. И не столько поразили меня его краснорѣчіе и большая ораторская ловкость, съ которой онъ умѣлъ обходить вопросы между двумя родственными соціалистическими партіями, сколько это почти благоговѣйное вниманіе всѣхъ нѣмецкихъ рабочихъ, приглашенныхъ сюда Грейлихомъ. Чувствовалось, что къ этому эмигранту, къ этому представителю русской революціи въ

Интернациональ установилось отношение глубокой внимательности и уже признавалась за нимъ колоссальная сила мысли. И когда по-тому миѣ пришлось много разъ въ личныхъ бесѣдахъ учиться у Плеханова всѣмъ гранямъ такого богатаго и разнообразнаго марксистскаго міросозерцанія, дѣйствительно нельзя было не поддаться очарованію этого поистинѣ блестящаго ума.

Миѣ кажется, что даже тѣ, кто знали Плеханова на склонѣ его лѣтъ, знали его лично, персонально, видѣли это лицо, эту фигуру, не могутъ не констатировать, что то, что бросалось въ глаза въ немъ прежде всего,—это поразительный умъ; самые глаза его, сосредоточенные и внимательные, строгіе, подъ насыщенными бровями, полные особаго блеска, выдѣляли его сразу. Не замѣтить Плеханова среди группы лицъ было нельзя. Если бы кто не зналъ, что это былъ Плехановъ, то онъ сказалъ бы—какой поразительный умъ долженъ быть у этого человѣка.

Рѣдкая память, которая давала ему возможность въ обыкновенной бесѣдѣ очаровать васъ игрой всевозможныхъ цитатъ, сравненій, воспоминаній, громацная находчивость, которая дѣлала его въ дискуссіяхъ положительно непобѣдимымъ, ясный умъ, умѣніе одновременно дать громадное наслажденіе собесѣднику, слушателю, читателю и въ то же время передать ему массу содержанія въ легкой, доступной формѣ,—все это дѣлало изъ него популяризатора, мыслителя-артиста совершенно необычайного, выдвигало его, какъ блестящаго распространителя идей марксизма, въ самый первый рядъ.

Если будемъ считать великаго Энгельса не столько популяризаторомъ, помощникомъ, распространителемъ мыслей Маркса, сколько его соратникомъ, сотрудникомъ; почти равнымъ ему, то можно сказать: врядъ ли марксизмъ имѣлъ другое имя среди 12 апостоловъ марксизма столь блестящее, какъ имя Плеханова, а вѣдь среди нихъ есть такие, какъ Либкнехтъ, Бебель, Адлеръ, Жоресъ, Поль Лафаргъ, Жюль Гэдъ и др., вписанные золотыми буквами въ исторію человѣческой мысли, въ исторію революціи.

Правда, конечно, что Плехановъ не былъ по существу политическимъ вождемъ. Когда надо было теоретизировать, когда надо было глубоко понять самую суть не только теоретического метода Маркса, его идею, распространить ихъ на новые огромные области, на Россію и ея общественные отношения, но намѣтить также самыя общія линии тактики, ир. анализировать итоги, положить фундаментъ величественной постройки рабочаго движения,—тогда Плехановъ могъ бывать не только теоретикомъ, не только артистомъ мысли, но пропагандистомъ, миссионеромъ марксистскихъ идей во всемъ объемѣ, а, следовательно, и политическимъ вождемъ. Но, какъ только пародилась партія, какъ только началась политическая схватка и пришлось практически разбираться въ вопросахъ повседневной обстановки, въ вопросахъ политической борьбы, такъ сейчасъ же сказалось, что это былъ, скорѣе, человѣкъ кабинета, ораторской трибуны, чѣмъ подлинный политический вождь.

Самая слабая сторона Плеханова, за которую схватывались его противники, была его политическая карьера. Здѣсь зигзага, описанная имъ въ жизни, поразительца.

Мы знаемъ, что Плехановъ началъ какъ радикальный лѣвый соціалъ-демократъ. И онъ не только вызвалъ на бой, какъ упоминалъ т. Зиновьевъ, реформистовъ, какъ самый страстный сотрудникъ пѣмѣцкой соціалъ-демократіи, но и въ русской соціалъ-демократіи считалъ себя едва ли не крайнимъ лѣвымъ. Послѣ раскола партіи на два лагеря онъ присоединился къ большевикамъ, къ лѣвой части второго съѣзда, и что же потомъ?—Внезапно, совершенно непостижимо, безпричинно по существу, черезъ пѣсколько недѣль послѣ присоединенія къ Ленину и его партіи онъ переходилъ къ меньшевикамъ, потому что ему кажется, что за ними сила, и начинаетъ вести все болѣе ожесточенную полемику противъ большевиковъ.

Въ 1905—6 годахъ Плехановъ правѣеть настолько, что доходитъ до борьбы противъ собственной партіи на столбцахъ буржуазныхъ газетъ. Но во время реакціи, когда часть меньшевиковъ поправѣла еще больше и стала ликвидировать всѣ революціонныя

традицій и партіи, когда они отрицаютъ подпольную работу въ угоду приспособлениі къ неизброятно узкой, унизительной тогдашней легальности,— Плехановъ быстро и такъ же парадоксально лѣбѣеть, заключаетъ вновь союзъ съ большевиками, громить либераторовъ и пропиқается почти личной ненавистью къ Потресову, которого преслѣдуется безпощадной полемикой. Лучшій его другъ, Аксельродъ, оказывается несравненно его правѣ.

Проходитъ нѣсколько лѣтъ, разражается война. Возьмемъ за линію, болѣе или менѣе прямую, политику тов. Аксельрода, который оставался меньшевикомъ изъ центра и держался умѣренного интернационализма, а Плехановъ ударился въ „шовинизмъ“, ушелъ на крайний правый флангъ, заключилъ союзъ съ кадетами и восхвалялъ самыхъ злостныхъ враговъ рабочаго класса.

Въ этомъ смыслѣ, путь, который описалъ Плехановъ, какъ вождь, опредѣлился скорѣе увлечениями чувства, чѣмъ логикой единой мысли, и очень нѣтрудно найти у Плеханова афоризмы, которые онъ умѣлъ чеканить, какъ золотую мѣнѣту, но которые совершенно нельзя совмѣстить. Но что изъ того!—не всякому, конечно, дано быть одновременно блестящимъ ораторомъ, очаровывающимъ писателемъ и въ то же время политическимъ вождемъ. Другіе люди смогли быть выдвинуты своевременно русскимъ рабочимъ классомъ, для того, чтобы своими єрѣкими руками взять боевое знамя рабочаго движения и не позволять ему, какъ отъ вѣтра, колебаться отъ дуповепія тѣхъ или иныхъ личныхъ страстей. Это отсутствіе черть политического вождя нѣсколько не дѣластъ менѣе цѣннымъ его имя, поскольку оно соединено съ величайшимъ переворотомъ въ настроеніи русской интелигенціи.

Мы все помнимъ ту тьму въ 80-хъ годахъ, въ которую была заключена Россія. Безъ дороги шли народники. Народовольчество погибало въ лицѣ своихъ послѣднихъ героническихъ представителей, шла проповѣдь малыхъ дѣлъ, непротивлѣнія злу. Всё тонуло въ чеховскихъ сумеркахъ. Это было время, когда лучшіе люди, въ родѣ Гаршина или Успенскаго, могли только сходить съ ума или

стремляться. Это потому, что интеллигенция не нашла пути к народу. Лопнула легенда о коренной революционности крестьянства, все кругомъ какъ будто показывало, что самодержавіе будетъ на всѣи царить въ Россіи. И вдругъ раздалась благая вѣсть. То, чѣго народники боялись: капитализмъ—это великое зло со своимъ антиподомъ—пролетариатъ, который Михайловскій при случаѣ назваѣть „язвой“,—все это было признано фатальнымъ будущимъ, по въ то же время и благомъ. Приходитъ человѣкъ и говорить: съ развитіемъ капитализма крестьянство идетъ въ городъ и превращается въ пролетарія. Это не язва, это печать истиннаго благословенія, которая пріобщаетъ Россію къ другимъ народамъ и даетъ надежду на скорѣйшій неизбѣжный переходъ кромѣшнаго ада капитализма въ соціалистический. Этотъ рай подготавливаетъ самъ капиталъ, прежде всего гостя своего собственнаго могильщика и строителя этого рая, рабочаго. Съ цифрами въ рукахъ блестяще разбиваєтъ Плехановъ старое пониманіе соціализма. Онъ говорилъ: памъ не надо идти искать народъ въ деревню — деревня пришла сама сюда къ намъ въ городъ, эта деревня идетъ сюда выковывать батальоны рабочаго класса; эта же масса скинетъ въ свое время и ярмо самодержавія. Она не остановится на промежуточныхъ этапахъ, а, стремясь впередъ, таинствуетъ Россію, рядомъ съ другими странами, до соціалистическогоuproя. Доказывая, что революція соціальная не можетъ имѣть иной формы, какъ политической, доказывая необходимость борьбы съ самодержавіемъ, Плехановъ подчеркнулъ вторую сторону,—что всякая революція политическая есть революція классовая. Посколько такая революція была бы буржуазной, она не сможетъ удовлетворить народъ, и у насть революція будетъ рабочей. Онъ высказалъ пророческій афоризмъ, что революція не сможетъ остановиться на сверженіи самодержавія, что массы попытаются сдѣлать революцію соціалистической, успѣхъ которой будетъ зависѣть отъ того, въ какое отношеніе героический русский пролетариатъ станетъ къ морю русскаго крестьянства и въ какомъ состояніи будетъ въ это время Европа; отъ этого будетъ зависѣть, сразу или въ нѣсколько пріемовъ закончится процессъ русской революціи. Это была проповѣдь, которую

Плехановъ проводилъ также и въ исторіи литературы, и въ исторіи философіи, и это было то, что создало душу намъ, соціаль-демократамъ,—нашу сильную, смѣлую, правдивую душу.

И въ этомъ смыслѣ, какъ легендарный Андрей Первозванный перенесъ въ Россію первое Евангеліе, такъ Плехановъ зачесь къ намъ второе евангеліе—ученіе Маркса.

90-е годы ознаменовались бурьемъ движениемъ въ душѣ интеллигенції, которая почувствовала почву подъ ногами, которая увидѣла солнце надежды передъ собою и лучшіе представители которой отдались цѣликомъ рабочей революціи. Но это было мало-важно по сравненію съ тѣмъ, что тѣ же идеи Плеханова прямо и непосредственно проникали въ толщу народнаго сознанія, заражали самихъ рабочихъ. Сначала онъ освѣтили только вершины рабочей интеллигенції, но должны были неминуемо распространиться по всей рабочей душѣ, по всей рабочей массѣ. Товариши, это было явленіемъ колоссальной важности, потому что при отсталости русскаго общественнаго строя, при гнилости русскаго самодержавія, при ненѣбѣжности сравнительно быстрого революціоннаго переворота въ Россіи все зависѣло отъ того, насколько русскій рабочій классъ сумѣеть быть просвѣщеннымъ всѣмъ опытомъ своихъ западныхъ братьевъ. Эти западные братья, сплотившись вокругъ идей марксизма въ лицѣ сына Россіи, поѣхавшаго учиться въ Западную Европу, слали послы, нагруженныи всѣми сокровищами рабочаго опыта. И Плехановъ блестяще выполнилъ свою задачу миссіонера. Онъ сталъ вооружать русскій рабочій классъ всѣми истинами научнаго соціализма, и, благодаря этому, оказалось, что нашу революцію, смахнувшую самодержавіе, послѣ втораго—по книгамъ книжниковъ и фарисеевъ—должна была наступить гегемонія буржуазіи, рабочій классъ продѣлалъ, какъ соціалистически сознательный. Это заставило его повториться, по мнѣнію многихъ, заставило, перескочить черезъ этаны; но, по мнѣнію тѣхъ, кто, не раскаиваясь ни на одну минуту, считаетъ, что рабочій классъ сдѣлалъ хорошо все, что онъ сдѣлалъ до сихъ поръ, это привело къ тому, что русскій рабочій классъ въ странѣ относительно отсталой занялъ

теперь авангардную позицію въ міровой борьбѣ труда противъ имперіализма и твердо держить ее здѣсь, въ Петроградѣ, и во всей совѣтской Россіи и терпѣливо, несмотря на голодъ, несмотря на страданія, ждеть, пока подойдетъ главная армія соціализма, пока подойдутъ другіе, болѣе зрѣлые отряды рабочаго класса. (Аплодисменты).

И это въ значительной степени стало возможнымъ потому, что на благодарную, плодородную почву души русскаго пролетаріата здоровое сѣмя Маркса сѣялъ такой могучій сѣятель, какимъ былъ Плехановъ. Неважно, что послѣ того, какъ пролетарій оперился и вылетѣлъ изъ гнѣзда, Плехановъ, къ тому времени постарѣвшій, произведшій одну изъ своихъ капризныхъ излучинъ, не узнавалъ собственныхъ птенцовъ и оставался въ родѣ курицы на берегу резолюціоннаго, моря по которому поплыли высокіе имъ пролетаріи. Раціонально было пущено въ ходъ то оружіе, которое онъ ковалъ и передалъ въ наши руки. Мы скажемъ: этотъ кузнецъ, этотъ блестящій главный мастеръ, который настѣнко вооружилъ, самъ не оказался борцомъ, но оружіе онъ намъ все-таки далъ, и что бы онъ послѣ этого ни дѣлалъ, ни говорилъ, это не заставитъ насъ никаколько уменьшить нашей благодарности къ нему. Болѣе всего, товарищи, примиряется смерть. Какъ огонь, она испепеляетъ все ложное, все случайное, все подлежащее тленію, и она очищаетъ, какъ нелѣнное, непрѣходящее золото, то, что является дѣйствительной заслугой. Тѣ, кто хоронилъ сегодня тѣло Плеханова, они оплакивали потерю въ немъ, именно, тѣлѣнаго, слабаго, стараго. А мы здѣсь торжествуемъ во имя его безсмертнаго духа, во имя того, что было въ немъ молодого, мощнаго и непрѣходящаго. И это молодое, мощное, непрѣходящее мы сохранимъ не для того, чтобы оно было нашимъ сокровищемъ и чтобы передъ нимъ преклоняться, а пустимъ это въ нашъ революціонный оборотъ. И мы, партія коммунистовъ совѣтской Россіи, будемъ считать за честь и счастье издать въ огромномъ количествѣ экземпляровъ наиболѣе блестящіе плехановскіе трактаты и памфлеты и, взявъ прямо изъ арсенала лучшія его трѣны, будемъ продолжать побажать ими нашихъ враговъ, съ

которыми имѣлъ слабость заключить на старости зѣть съ союзомъ Плехановъ. Забудемъ, что было въ Плехановъ слабаго, упомянемъ объ этомъ, какъ объективные историки, и скажемъ: ъѣчно живъ передъ нами тотъ молодой Плехановъ, героический, свѣтлый вождь, который въ эпоху борьбы и перелома въ настроенияхъ русского народа, въ эпоху растерянности русского общества первый съ высокой горы своего генія показалъ на восходящемъ солнце научного соціализма и соціалистической революціи. День, который произвело это солнце, теперь занимается. Плехановъ его не понялъ, но былъ его пророкомъ, и, какъ такового, мы чтимъ его сегодня (Аплодисменты)